

ВЕНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 12 НОЯБРЯ 1918 г. В ПЕРЕПИСКЕ, ЭССЕ И РОМАНЕ «ЛУНАТИКИ» ГЕРМАНА БРОХА

О.В. Бессмельцева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассмотрено влияние революционных событий в Австрии на творчество Г. Броха. В социальные перевороты в Австрии в ноябре 1918 г. были вовлечены не только политические группы, но и широкие круги писательской интеллигенции. Пример Броха показывает, что даже если писатель не принимал непосредственного участия в уличных демонстрациях или политических дебатах, он, тем не менее, испытывал потребность осмыслить эти события. В творчестве Броха это осмысление проходит в несколько этапов и выражается в разных жанровых формах. В письме от декабря 1918 г. дана непосредственная реакция на массовые выступления 12 ноября 1918 г. Понятию массы, представленной как хаотическое брожение человеческой материи, Брех противопоставляет идею «общности» свободных индивидуумов. В дальнейшем следы этой первой реакции нашли отражение в третьем томе романа «Лунатики», своего рода художественном осмыслении опыта революции. Третья ступень осмысления исторического события представлена в политических и философских эссе. Здесь Брех показывает революцию как часть естественного процесса «эволюции» истории культуры и философской мысли.

Ключевые слова: ноябрьская революция, Вена 1918 г., Брех, «Лунатики», политические и философские эссе, масса, общность.

THE REVOLUTION IN VIENNA 12.11.1918 IN THE CORRESPONDENCE, ESSAYS AND THE NOVEL “THE SLEEPWALKERS” BY HERMANN BROCH

Abstract. The article argues for the influence of revolution in Austria 1918 on the Oeuvre of H. Broch. The social turbulence of 1918 involved not only politicians, but also the spread circles of intellectuals and writers. The example of novelist H. Broch shows that even when the writer was not immediately a participant of the street-demonstrations or political controversies, he was nevertheless reflecting deeply the happenings in Vienna. Such reflections come through some stadiums in the Oeuvre of Broch and were expressed in diverse genre-forms. Broch's letter of December 1918 views an immediate reaction on the mass-processions at 12th November 1918. The mass was seen by Broch as chaotic fermentation of human-mate-

rial, which was confronted in Broch's vision with the idea of community of free individuals. Further the threads of this very first reaction could be found in the third part of the novel “The Sleepwalkers”, that could be interpreted as an artistic treatment of the revolution-experience. The third stage of reflection of the historical event got the form of political and philosophical essays, where Broch showed the revolution as a necessary part of the “natural” process of “evolution” within the cultural and philosophical history.

Key-words: November-Revolution, Vienna 1918, Broch, “The Sleepwalkers”, political and philosophical essays, mass, community

Революционные события ноября 1918 г. в Вене впечатлили австрийского романиста Германа Броха (1886–1951), в ту пору еще начинающего писателя, широкая известность к которому пришла уже в зрелом возрасте, после выхода его романа-трилогии «Лунатики» (1931). Отношение Броха к ним отличалось от восприятия революции со стороны его коллег по перу Ф. Блая, Э.Э. Киша и Ф. Верфеля, которые находились в самой гуще событий. В декабре 1918 г. Брех попытался представить свою реакцию на ноябрьские события в открытом письме «Улица», адресованном Францу Блау. Примечательно, как Брех описывает толпу на площади перед венской ратушей: человеческую массу он воспринимает не как некое единство, но как скопление разрозненных элементов – «многочленная масса, состоящая из ртов, носов, бород, животов» [Broch 1981, 31]. Антиподом «массы» у Броха предстает «сообщество» (Gemeinschaft).

Представления Броха об атомарности, неоднородности и несогласованности массы отражают картину, сложившуюся в медиальной среде вокруг революционных событий: газеты, сообщая о становлении немецко-австрийской демократической республики, по-разному расставляют акценты и оценивают события в Вене 12 ноября.

«Новая газета» (13.11.18) сообщает: «В праздничном шествии члены правительства, президиум и члены государственного совета вышли к рампе здания парламента. Вокруг здания стояли сотни тысяч мужчин и женщин... В тот момент, когда на многочисленных флагштоках должны были взмыть государственные флаги с красно-бело-красной символикой, появились [...] социал-демократы, захватили флаги и принялись отрывать белые куски материи, так что на флагштоках остались только красные полотнища. Покой и порядок, которые ещё пять минут назад царили в стотысячной толпе, вмиг исчезли. Солдаты забралась на фонтаны и на статую Афины и водрузили там красные флаги. Это было первым неприятным нарушением программы» [Die neue Zeitung 1918, 1] (курсив в оригинале. – О.Б.).

Социал-демократическая газета «Рабочий» (13.11.18) призывает продолжать борьбу: «От победы к новым битвам» гласит заголовок. Далее следует:

«Каким бы облегчением ни было для нас освобождение от демона войны и как бы ни ликовали мы ввиду победы демократии, нам сейчас нельзя сидеть сложа руки. Мир и демократическая республика – это главные предпосылки для достижения нашей цели, но не сама эта цель. Следует не теряя времени воспользоваться потрясением, которое вызвала война в душах людей, и устремиться к нашей последней цели – к социализму!» [Arbeiter-Zeitung 1918, 1].

Иная оценка событий в заголовках утреннего выпуска «Новой свободной прессы» от 13 ноября: там значится – «Стрельба и паника перед зданием парламента» [Neue freie Presse 1918, 1]. Сходным образом показаны вещи в «Новом восьмичасовом листке» (12.11.18). Рядом с гигантскими заголовками: «Великий день. Присоединение немецкой Австрии к немецкой республике. – Народный праздник» стоит таким же крупным шрифтом: «Бойня перед зданием парламента» [Neues 8 Uhr Blatt 1918, 1].

Похожий сумбур (одним – бойня, другим – праздник) предстаёт перед читателями Броха в заключительной части третьего тома романа «Лунатики», озаглавленного «Хугюнау, или Деловитость»¹ [Брох 1996]. Человеческая масса как хаос, как скопление элементарных частиц, ведомых природными инстинктами, – эта картина отличается от массовых сцен в творчестве Броха 1930–40-х гг.: в романах «Наваждение» (1953) и «Смерть Вергилия» (1945) или в его «Психологии масс» (1959). Эти поздние вещи появились в других исторических обстоятельствах на фоне стремительного распространения фашистской идеологии в 1930–40-е гг.

События «Лунатиков» помещены в другие временные рамки – они разворачиваются вокруг трёх исторических вех: 1888, 1903 и 1918 гг. Первые два тома – это на первый взгляд не связанные друг с другом истории двух «типичных» представителей своего времени: офицера Пазенова и служащего Эша. В третьем томе вводится новый персонаж, некий Хугенау, предприниматель и дезертир. Но здесь же появляются и персонажи из предыдущих томов, и ряд других протагонистов. Общий нарративный поток в третьем томе распадается на множество рукавов – историй и судеб эпизодических фигур, при этом каждая история разворачивается в своём дискурсивном поле: представлены бытовая, военная, философская, публицистическая, предпринимательская дискурсы. В конце третьего тома, во время массовых беспорядков, вызванных слухами о прекращении войны и волной переворотов, все истории и судьбы смешиваются, и персонажи из отдельных глав вновь появляются в сценах предпоследней главы. Глава «Никто никого не видит во мраке.

¹ В соответствии с французским (эльзасским) произношением оригинала – «Нугуенау» – имя главного персонажа должно звучать Югено. В переводе Н. Кушнира используется немецкое произношение имени [Кушнир 1996].

События 3, 4 и 5 ноября 1918 г.» – это своего рода хроника событий в крошечном городке под Кёльном с 3 по 5 ноября 1918 г.

Следует заметить, что действие романа «Лунатики» происходит в Германии. Иными словами, Брох в этой книге не затрагивает напрямую тему распада Австро-Венгерской монархии. Возможно, Брох желал напомнить о событиях 1918 г. из другой перспективы. Как показал анализ заголовков газет, датированных 12–13 ноября 1918 г., для австрийцев и венцев было важно не только учредить республику, но и тотчас войти с ней в состав немецкого государства. Так, в ноябре 1918-го в Вене была провозглашена Немецко-австрийская республика (Deutschösterreich), и венские газеты с восторгом разносили весть о слиянии Австрии с немецкой республикой. Эта обращённость к Германии к концу 1920-х гг. стала приобретать всё более отчётливый националистический характер и характеризовала не в последнюю очередь австрийских сторонников НСДАП. Конечно же, Брох, работая над «Лунатиками» между 1928 и 1931 гг., осмыслил не только историю, но и современность.

Действие романа «Лунатики» завершается 6 ноября 1918 г., т.е. за несколько дней до «исторического» начала революционных событий в Германии и Австрии. Тем не менее в последних сценах романа легко узнаются образы, связанные с ноябрём 1918 г., и с июльскими событиями 1927 г. (пожар Дворца правосудия в Вене и горящая ратуша в романе Броха). В предпоследней главе почти с сарказмом обыгрывается известный иконографический сюжет – картина Делакруа «Свобода ведёт народ» 1830 г. (или более поздняя «цитация» этой картины в фильме Ф. Ланга «Метрополис» 1927 г., где сцена восстания рабочих сопровождается звуками Марсельезы, причём мелодия постепенно искажается и распадается): «Толпа насчитывала около двухсот человек, всевозможный сброд, среди них и заключенные, выделявшиеся [...] серой одеждой. Некоторые пытались заводить “Марсельезу”, кто-то – “Интернационал”. Чей-то фельдфебельский голосок постоянно орал: “В колонну по четыре – разберись”, но никто его не слушал. Во главе шествия над головами марширующих болталась какая-то кукла: к палке, своего рода виселице, привязана была набитая тряпьем и платками форма тюремщика – с этой целью они, наверное, раздели его догола [...] С ними был даже ребенок, он восседал на плечах у одного парня, маленькая девочка, напоминавшая Маргериту»² [Брох 1996, 335–336].

Далее в тексте романа встречается ещё одно обращение к визуальным ассоциациям, на это раз к политической цветовой символике: «В небо

² По сюжету отец Маргериты – француз.

взлетали (красные, желтые, чёрные, оранжевые – О.Б.)³[...] языки пламени горящей ратуши, тогда как дальше все еще дымились (грязно-коричневым чадом. – О.Б.)⁴ остатки казармы и склада. [...] Хугюнау посмотрел на все это, и [...] ему стало ясно, что все было правильно...» [Брох 1996, 342].

В процитированном фрагменте смешиваются разные хронологические пласты – история Габсбургской империи (чёрно-жёлтый флаг Австро-Венгрии) сливается с цветами революции 1918 г. (представленной красными полотнищами партии социал-демократов). Всё это закономерно ведёт к событиям конца 1920-х гг., когда коричневый «цвет» – цвет партии НСДАП – занимает всё более существенное пространство в политической палитре. При этом Брох видит свою задачу как писателя и аналитика не в том, чтобы отделить опасные идеологии от «полезных». Скорее он стремится обнаружить общую причину, некую общую потребность, из которой вырастают столь разные политические и социальные образования. Теория культуры Броча опирается на концепцию единого стиля, характерного для определённой эпохи. Поэтому и для нового исторического периода, открывшегося революциями 1918 г., существует, по мнению Броча, некий общий принцип, общий вектор, общая потребность, которая объединяла людей самых разных политических «конфессий» – как сторонников, так и противников революции. И эту общую потребность стремились удовлетворить, каждый на свой лад, многочисленные союзы, партии, политические и религиозные собрания, карикатурно представленные в третьей книге «Лунатиков».

Так, сквозь внешний образный ряд здесь то и дело проступает более глубинный, как бы сквозной и общий для всего действия образ – это изображенное Матиасом Грюневальдом Вознесение⁵ – раскинувший руки мученик на фоне оранжевых зарниц. Исходя из контекстов, в которых этот образ возникает, именно он и является для Броча квинтэссенцией революции: смерти и возрождения одновременно. Впервые образ Вознесения с Изенгеймского алтаря является Хугюнау в военных окопах: «Камера пыток и землянка все больше погружались в немного грязноватые, но все же яркие цвета [...] грюневальдского алтаря; снаружи в оранжевом свете пушечного фейерверка [...] простирали к небу ветки-руки голые деревья, а в сияющую разорванную высь взмывал человек с поднятой рукой» [Брох 1996, 9]. И эту же кар-

³ «rot, schwarz, gelb, orangefarben» – в переводе Кушнира нарушена последовательность, и чёрный цвет выступает обособленно.

⁴ «qualmten schmutzigbraun» – у Кушнира цветовой эпитет опущен.

⁵ О месте и роли Изенгеймского алтаря в композиции «Лунатиков» пишет П. М. Люцелер [Lützel 2001].

тину «цитирует» Брох в предпоследней главе романа на фоне ноябрьских переворотов: «Горящая ратуша хорошо освещала городскую стену, на неё отбрасывали тени деревья, с крыши ратуши вверх взметнулся последний оранжево-жёлтый сноп искр и огня – Хугюнау не мог не вспоминать человека, душа которого поднималась в распахнутое небо, и лучше всего он потряс бы ему протянутую правую руку, так легко и радостно было у него на душе» [Брох 1996, 346].

В рецензии 1922 г. на книги неокантианца Артура Либберта [Broch 1986] Брох проводит мысль о том, что революция есть такое же проявление абсолютного разума, как и история в её «нормальном» течении. По мере того, как история теряет эволюционный потенциал и мысль затвердевает, превращаясь в догму, запускается процесс обновления (революция духа). В результате мысль и культура обретают новое, более совершенное оформление и приближаются на шаг к абсолюту. Образ распятого и воскресшего Спасителя на фоне революционных зарниц воплощает это представление о единстве и непрерывности истории мысли и истории цивилизации, включая и её «революционные» фазы. Таким образом если начальные стадии революционной эпохи у Броча ассоциируются с образом корпускулярной массы разнородных элементов (не людей, а глоток, животов и носов), то образ Спасителя, к которому обращены все взоры, символизирует пик революционной эпохи – освобождённый дух вновь являет себя в первозданной чистоте. Этот явленный дух символизирует некое гуманное начало в каждом человеке, объединяющее всех людей. В итоге получается, что у Броча – в силу исторических и биографических обстоятельств – революционная масса становится символом разобщённости, а фигура одиночки – символом «общности», единства и примирения всех людей.

В 1919 г. Брох пишет своё первое политическое эссе «Конституционная диктатура как демократическая система Советов», созданное на волне революционных событий, под влиянием дебатов о выборе нового государственного устройства. В этом эссе абсолютная свобода индивидуума утверждается как центральная идея и основа нового государства [Broch 1978, 12]. По Брочу, идеальное государство – это «общество свободных людей» [Broch 1978, 23]. Органом управления таким государством должен стать союз «свободных и работоспособных людей» из всех классов и сословий, воспитанных в стремлении к кооперации [Broch 1978, 16].

Брох делает ещё один вывод. В последних строках письма к Блау он отмечает: «политика – это то, чего не миновать» [Broch 1981, 34]. Словно подчиняясь этому закону, Брох отводит политике важную роль как в эссеистическом,

так и в художественном творчестве. При этом во всех сферах – литературной, политической, философской – Брех исходит из одной и той же концепции истории культуры и обращается к сходным методам решения как художественных, так и философских и политических проблем. В рецензии на книги Либерта Брех утверждает, что революция духа есть часть его исторической эволюции: «В “свободе” разума, в силу его абсолютной автономии, заключается его мощь, но также и этический закон, который вынуждает критически переосмыслить [...] истины, ставшие частью исторического процесса [...]. Прогресс разума всегда движется одним путём – если он и “размалывает” данность, то только чтобы вновь выстроить из её элементов систему высшего порядка...» [Broch 1986, 262]. Так, по Бреху, «Критики» Канта не столько прервали линию развития философской мысли, сколько вывели эту мысль на новый уровень. Рассматривая в той же оптике труды Маркса, Брех приходит к выводу, что Маркс был в меньшей степени революционер и в большей – кантианец (т.е. радикальный реформатор). Расширяя рамки до всеобщей и «основной логической сферы», Брех стремится выявить «то кардинальное гуманистическое основание, которое обнаруживало бы “прогресс” в любом проявлении и было бы способно объяснить как духовную, так и социально-политическую революцию» [Broch 1986, 263].

Обретение этой «гуманистической основы» (человечности) напрямую связано с преобразованием языка – основы человеческого общения. Брех, подобно многим его современникам, пишет о кризисе художественного языка, непрестанно твердит об «онемении» мира, критикует «репортажный стиль» и называет человека модерна траппистом (монахом, давшим обет молчания) [Брех 1996, 402]. В «Лунатиках» Брех показывает такой онемевший мир: «серый, неподвижный и совершенно безжизненный мир был погружен в нерушимую тишину» [Брех 1996, 10]. История этого мира буквально распадается на фрагменты не связанных друг с другом «историй». Тем не менее, рассказанные одним автором и в одной книге, они создают впечатление единства, общности художественного стиля и языка. При этом принцип единства действует не только на формальном уровне. Проблема обретения общности, взаимопонимания оказывается важной темой «Лунатиков»: всем персонажам, несмотря на их мировоззренческие противоречия, свойственно «лунатическое» состояние поиска чего-то неведомого, призрачного, нематериального. Все они словно бы в равной степени разделяют это чувство утраты некоего объединяющего духовного основания. Тем самым Брех подводит к мысли, что в силу этой всеобщей тоски по общности есть надежда на обретение общей истории – как в художественном смысле (истории как рассказа,

появления новых художественных форм, обновления романного жанра), так и на социально-политическом уровне (истории как истории человечества: чувство общности, единения, поддержки в рамках государства, управляемого союзом свободных граждан, где представлены интересы всех социальных групп). Соединя творческую и гражданскую задачи, Брех тем самым следует правилу, выведенному им из опыта ноябрьской революции 1918 г.: «политика – это то, чего не миновать».

Литература

- Брех Г. 1918 – Хугюнау, или Деловитость // Брех Г. Лунатики. Роман-трилогия в двух томах. Том второй / Пер. с нем. Н. Кушнира. – СПб., 1996.
- Broch H. Konstitutionelle Diktatur als demokratisches Rätssystem // Broch H. Politische Schriften. Frankfurt am Main, 1978. S. 11–23.
- Broch H. Die Straße // Broch H. Briefe 1: 1913–1938. Frankfurt am Main, 1981. S. 30–35.
- Broch H. Die erkenntnistheoretische Bedeutung des Begriffes „Revolution“ und die Wiederbelebung der Hegelschen Dialektik. Zu den Büchern Arthur Lieberts // Broch H. Philosophische Schriften 1, Kritik. Frankfurt am Main, 1986. S. 257–263.
- Der erste Tag der neuen Republik. Vor dem Parlament // Die neue Zeitung. Illustriertes unabhängiges Tagblatt. 1918. Nr. 310. S. 1.
- Der große Tag. Deutschösterreichis Anschluss an die deutsche Republik. – Die Vorlksfeier. Eine Schlacht vor dem Parlament // Neues 8 Uhr Blatt. 1918. 5. Jahrgang. Nr. 1246. S. 1.
- Lützel P.M. Kulturbruch und Glaubenskriese. Brochs *Schalfwandler* und Grünewalds *Isenheimer Altar*. Tübingen, Basel, 2001.
- Schießerei und Panik vor dem Parlament // Neue freie Presse. Morgenblatt. 1918. Nr. 19476. S. 1
- Vom Siege zu neuen Kämpfen // Arbeiter-Zeitung. Morgenblatt. 1918. Nr. 310. S. 1.

References (Articles from Journals)

- Der erste Tag der neuen Republik. Vor dem Parlament [The Frist Day of the New Republic. In front of the Parliament]. *Die neue Zeitung. Illustriertes unabhängiges Tagblatt* [The New Paper. Illustrated Independent Daly Paper]. 1918, no. 310, p. 1. (In German).
- Der große Tag. Deutschösterreichis Anschluss an die deutsche Republik. – Die Vorlksfeier. Eine Schlacht vor dem Parlament [The Grate Day. German-Austria Connection to the German Republic. A Struggle in front of Parliament]. *Neues 8 Uhr Blatt* [The New 8 o'clock Newspaper]. 1918, Vol. 5, no. 1246, p. 1. (In German).

Schießerei und Panik vor dem Parlament [Shooting and Panic in front of Parliament]. *Neue freie Presse. Morgenblatt* [The New Free Press. Morning-Paper]. 1918, no. 19476, p. 1. (In German).

Vom Siege zu neuen Kämpfen [From Victory to the New Battles]. *Arbeiter-Zeitung. Morgenblatt* [The Worker-Newspaper. Morning-Paper]. 1918, no. 310, p. 1. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Broch H. Konstitutionelle Diktatur als demokratisches Rätssystem [Constitutional Democracy as Councils-System]. *Politische Schriften* [Political Essays]. Frankfurt am Main, 1978. Pp. 11–23. (In German).

Broch H. Die Straße. [The Street]. *Briefe: 1913–1938* [Korrespondence 1913–1938]. Frankfurt a. M., 1981. Pp. 30–35. (In German).

Broch H. Die erkenntnistheoretische Bedeutung des Begriffes „Revolution“ und die Wiederbelebung der Hegelschen Dialektik. Zu den Büchern Arthur Lieberts [The Epistemological Meaning of the Term „Revolution“ and the Revival of Dialectic by Hegel. On the Books by Arthur Liebert]. *Philosophische Schriften* [Philosophical Essays]. Frankfurt am Main, 1986. Pp. 257–263. (In German).

(Monographs)

Broch H. (author), Kushnir N. (transl.). *1918 – Hugjunau, ili Delovitost'. Lunatiki. Roman-trilogija v dvuh tomah. Tom 2* [Sleepwalkers. A Novel-trilogy on two volumes. Volume 2], SPb., 1996 (Translated from German to Russian).

Lützel P.M. *Kulturbruch und Glaubenskriese. Brochs Schalfwandler und Grünwalds Isenheimer Altar* [The Breaking of Culture and the Crisis of Believe. Broch's Sleepwalkers and Grünwald's Isenheim Altarpiece]. Tübingen, Basel, 2001. (In German).

Сведения об авторе:

Бессмельцева Олеся Васильевна, Санкт-Петербургский государственный университет. Магистр в области «Исследования литературы и культуры немецкоязычных народов» (СПбГУ), аспирантка кафедры истории зарубежных литератур.
E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

Bessmeltseva Olesia V., Saint Petersburg State University.

M.A. in Literature- and Culture-Studies (Saint Petersburg State University), Ph.D. student at Historie of Foreign Literatures Department at Saint Petersburg State University.

E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ В МОРАЛИТЕ ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ «ИМЯРЕК»

Ю.Л. Цветков

Ивновский государственный университет, Иваново

Аннотация. Социальная критика в моралите австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофмансталия «Имярек». Представление о смерти богатого человека» (1911), с одной стороны, обусловлена картиной мира средневекового человека, который по христианскому кодексу хотя и презирал богатство, но использовал его в земной жизни для своих удовольствий. С другой стороны, Имярек не совсем пренебрегал моральным законом: он не делился богатством с бедными, но подавал милостыню. Он не прощал долги беднякам, но не давал умереть с голоду их семьям. Социальная критика богатого «праведника» ограничивалась, во-первых, упованиями на вечное несовершенство земной юдоли без какой-либо мысли её изменения. Во-вторых, что не свойственно образу мыслей христианина, Гофмансталь привносит в образ Имярека современную автору новую идеологию денег, которую он заимствовал в труде Г. Зиммеля «Философия денег». Имярек рассуждал о роли денег в процессе превращения социального хаоса в порядок и об их абсолютной самооценности. «Модернизированное сознание» Имярека гармонизирует социальные противоречия в обществе, утверждая их вечность. Аллегория богатства – Маммон соблазняет Имярека и показывает над ним свою власть. Но Имярека нельзя считать закоренелым грешником. Смерть, совершая суд над Имяреком, и противоборство Веры с Дьяволом подчёркивают значение Добрых деяний и Веры в жизни Имярека. Он искренне раскаивается, и его ждёт спасение. Крайне ограниченная роль социальной критики в моралите не касается глубинных противоречий общества, а служит прикрытием произвола богачей и их незаконного обогащения за счёт бедных. Консервативные идеи Гофмансталия превращают моралите в аллегория незыблемости монархической власти в обществе, что в дальнейшем получит название «австрийской идеи».

Ключевые слова: средневековая картина мира, христианский кодекс поведения, моральная заповедь, аллегория, моралите, социальная критика, ирония, сатира, гротеск.

THE ROLE OF SOCIAL CRITICISM IN HUGO VON HOFMANNSTHALS MORALITY “EVERYMAN”

Annotation. Social criticism in the morals of the Austrian poet and playwright Hugo von Hofmannsthal „Everyman. The idea of the death of a rich man“ (1911), on the one